

АКАДЕМИЯ ПРОКЛЯТЫХ СЕРДЕЦ

✦ УЗЫ ТЬМЫ ✦

— КНИГА 1 —

ПЛАТОВ М.А.

Максим Платов

АКАДЕМИЯ

ПРОКЛЯТЫХ СЕРДЕЦ

<https://litres.ru/74201104>

SelfPub; 2026

Аннотация

Меня зовут Элара. Я — человек в мире фейри, где таких, как я, используют для ритуалов. Меня насильно забрали в Академию Проклятых Сердец. В первый же день я случайно активировала древний артефакт и связала себя узами души с ректором — верховным лордом-драконом Рианом. Теперь у нас месяц, чтобы найти и уничтожить Сердце Проклятия. Иначе умрём оба. Он обязан тренировать меня, но наша ненависть вот-вот перерастёт в нечто запретное. Единственная отдушина — Кэллен, наследный принц, что стал моим другом. Но в Академии Проклятых Сердец у каждого есть тёмная тайна. И когда моя раскроется, мне придётся войти в Сердце Проклятия. Говорят, Разрушительница способна переписать судьбу мира. Только сначала я рискую потерять себя и того, кто меня ненавидит, но не хочет отпускать.

Содержание

ПРОЛОГ. ЦЕНА ПРОРОЧЕСТВА.	4
ГЛАВА 1. ЭЛАРА	14
ГЛАВА 2. УРОКИ ТЬМЫ.	50
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Максим Платов

АКАДЕМИЯ

ПРОКЛЯТЫХ СЕРДЕЦ

ПРОЛОГ. ЦЕНА ПРОРОЧЕСТВА.

Туман пах не дождём, а пеплом. И кровью.

Эта ночь в Авалоне была первой за тысячу лет, когда звёзды погасли. Не спрятались за тучами — умерли. Огромный небесный свод над Двором Пепла стал чернильно-чёрным, как внутренности погребальной урны. Жители Нижнего Эверлона, люди, попрятались в своих лачугах, шепча молитвы давно забытым богам. Фейри Высших Домов, напротив, вышли на балконы своих хрустальных башен и смотрели в пустоту с ледяным любопытством. Они чуяли: древняя магия, что держала этот мир, дала трещину.

Руан Нокс, Верховный Лорд Двора Пепла и Хранитель Тысячелетней Тьмы, стоял на вершине самой высокой башни — Чёрном Шпиле. Его босые ступни касались холодного, растрескавшегося обсидиана. Он не боялся высоты. Он вообще мало чего боялся за свои девятьсот девяносто девять лет. Но сегодня холод, пробравшийся под его идеальную фарфоровую кожу, не имел отношения к ветру.

— Мой Лорд, — прошепел голос из тени. — Звёздный Оракул говорит. Он требует вас.

Риан не обернулся. Он узнал этот скрипучий, как несмазанная петля, голос. Морвейн, его советница, старуха, выглядевшая юной девой из-за магии, но хранившая в своих глазах всю пыль веков. Она была единственным существом, осмеливавшимся нарушать его одиночество.

— Оракул говорит раз в столетие, Морвейн, — ответил Риан, не отрывая взгляда от горизонта, где, казалось, сами основы мира размывались в серую дымку. — И каждый раз его слова несут лишь смерть. В прошлый раз он предсказал Великую Войну, унёсшую мой народ. Что на этот раз? Чума? Засуха? Или, может, просто конец всего сущего?

Морвейн вышла из тени. Свет от умирающих внизу островов играл на её серебряных волосах, заплетённых в сложную корону. В руках она держала стеклянный шар, внутри которого не танцевал огонь — там, свернувшись клубком, лежала сама Тьма, живая и пульсирующая.

— Хуже, мой Лорд. Намного хуже. Оракул говорит о вас.

Риан медленно обернулся. Его серебряные глаза, обычно полуприкрытые в выражении вечной скуки, широко распахнулись. В них отразилось нечто, чего не видел никто из ныне живущих — первобытный страх.

— Покажи.

Морвейн подняла шар над головой и разбила его о каменный пол. Тьма не разлетелась осколками — она взвилась

вверх, расширяясь, заполняя всё пространство башины, поглощая остатки света. И из этой тьмы проступило видение, выжженное на сетчатке самой реальности.

Колыбель из чёрного шёлка. В ней — новорождённая девочка. Её глаза, серые, как грозовое небо перед бурей, смотрят прямо в душу Риана. Её крошечный кулачок сжимает прядь серебристых волос — таких же, как у него. Она не плачет. Она улыбается беззубым ртом, и в этой улыбке — конец всего. Её голос, не детский, а древний, как само время, звучит в его голове: «Когда последняя искра угаснет в Сердце Тьмы, дитя без магии станет твоей погибелью. Ты узнаешь её по любви, что разрушит тебя».

Видение схлопнулось с хлопком тысячи лопнувших струн. Риан пошатнулся и схватился за каменные перила, оставляя в камне глубокие борозды от ногтей. Сердце, не бившееся веками, пропустило удар.

— Дитя... без магии? — прошептал он. — Это невозможно. Все люди рождаются либо с искрой, либо без. Безмагические — пустые сосуды, они умирают в младенчестве.

— Не эта, — голос Морвейн был глух. — Оракул указал место. Она рождается сейчас. В трущобах Нижнего Эверлона, в грязной канаве. Её мать — человеческая женщина, умирающая от родов. Отец... — она запнулась. — Отец неизвестен.

Риан резко развернулся. Его чёрный, как ночь, плащ взметнулся, и в воздухе запахло озоном — верный признак

пробуждающейся магии Дракона.

— Ты хочешь сказать, что какая-то... смертная понесла от фэйри. От Высшего? Это запрещено! Совет казнил бы любого, кто...

— Совет казнил бы любого, но не Короля, — тихо перебила Морвейн. — Девочка, Риан. Посмотри на её волосы в видении. Серебро. Это цвет вашего Дома. Цвет Дома Пепла.

Тишина, наступившая после этих слов, была тяжелее, чем тысячелетняя история Двора. Риан медленно поднес руку к своей голове и вытянул прядь волос. Иссиня-чёрных. Но под определённым углом, под светом луны, которая теперь навсегда погасла, они отливали чистым серебром. Это была метка его рода, проклятие его крови.

— Мой брат, — выдохнул он. — Кайран. Он был сослан в человеческие земли пятьдесят лет назад за попытку переворота. Я думал, он мёртв.

— Похоже, он нашёл способ выжить. И оставить наследницу. Наследницу, в которой нет магии фэйри, но которая несёт в себе кровь Дракона и... нечто большее. Нечто, что напугало сам Оракул.

Риан закрыл глаза. Перед внутренним взором пронеслись образы: брат, красивый, неистовый Кайран, его смех во время дуэлей на мечах, его пламенные речи о свободе людей, его предательство и та яма в подземелье, куда Риан лично бросил его пятьдесят лет назад. Он думал, что убил в себе всё, что связывало его с семьёй. Но теперь...

— Я должен её уничтожить, — произнёс он ледяным тоном, не терпящим возражений. — Сейчас же.

— Конечно, мой Лорд, — поклонилась Морвейн. — Это единственный разумный выход.

Перемещение через Ткань Мира заняло мгновение. Риан возник в Нижнем Эверлоне, и его идеально сшитые сапоги тут же погрузились в зловонную жижу. Вонь немывших тел, дешёвого алкоголя и отчаяния ударила в ноздри. Он поморщился. Как его брат, принц, выросший в роскоши, мог выбрать ЭТО? Жить среди грязи, среди этих... существ?

Он шёл по узким улочкам, невидимый для человеческих глаз благодаря простейшему заклинанию отвода взгляда. Мимо сновали оборванцы, пьяные матросы, жёщины с пустыми глазами, предлагающие себя за монету. Риан не смотрел на них. Он шёл на зов, на тот самый зов, что вёл его сквозь видение — тихий, звенящий звук детского плача.

Он нашёл её в тупике, за грудой гнилых ящиков. Женищина — бледная, рыжеволосая, в заляпанном кровью рванье — лежала без движения. Жизнь уже покинула её, оставив на лице застывшую маску страдания. А между её ног, прямо в луже грязи и крови, лежал сверток. Смолящийся кулёк из грубой мешковины.

Риан стоял и смотрел. Плач ребёнка разрывал тишину, но он не двигался. В его голове билась одна мысль: «Протяни руку, призови Тьму, и всё закончится. Ты проживёшь ещё тысячу лет. Ты спасёшь мир от пророчества».

Он сделал шаг вперёд. Туман вокруг сгустился, словно сама Тьма жаждала крови. Риан поднял руку, с которой уже срывались чёрные, извивающиеся щупальца чистой энергии смерти.

И тут плач изменился. Он перешёл из злого, протестующего крика в тихий, сдавленный хрип. Ребёнок задыхался. Мешковина, пропитанная слизью, перекрывала ему дыхание.

Время остановилось.

Риан Нокс, убивший сотни, предавший брата, державший в страхе четыре Двора, стоял и смотрел, как умирает невинное существо. Существо, чья вина заключалась лишь в том, что оно появилось на свет.

— Будь ты проклято, пророчество, — прошептал он.

И бросился вперёд.

Он упал на колени прямо в грязь, испачкав плащ стоимостью в годовое содержание целого города. Его длинные, бледные пальцы, созданные, чтобы держать кубок с вином или рукоять меча, неумело развернули грязную ткань. На него глянули два огромных серых глаза. В свете умирающего фонаря они казались бездонными колодцами, полными не тьмы, а... пустоты. В них не было магии. Вообще никакой. Идеальный, абсолютный ноль.

— Тише, — прошептал Риан, и его голос дрогнул. — Тише, маленькая Разрушительница.

Ребёнок замолчал. Просто перестал плакать, уставившись на него с тем же завораживающим вниманием, что и в

видении. Крошечный кулачок ухватился за его палец с силой, неожиданной для умирающего младенца. И Риан почувствовал то, чего не испытывал девять веков — связь. Тонкую, невидимую нить, протянувшуюся от его древнего, покрытого шрамами сердца к этому комочку жизни на грани смерти.

Он знал, что должен сделать. Заклинание «Анима Аморта» — Узы Смертной Любви. Древнейшая, запретнейшая магия, которую он поклялся никогда не использовать. Оно не убило бы её, но связало бы её душу с его, сделав её невидимой для любой ищейки, для любого пророчества. Её жизнь была бы спрятана внутри его собственной. Пока он жив — она невидима для Судьбы.

Но цена... Цена была ужасна. Когда она вырастет и связь активируется в полную силу, они станут зеркалами друг друга. Его боль — её боль. Её смерть — его смерть. И, что самое страшное, если она когда-нибудь полюбит его, или он её, Узы трансформируются в нечто необратимое, что убьёт их обоих в момент наивысшего счастья.

Это был не поступок спасителя. Это был поступок труса, который тысячу лет боялся лишь одного — чувств.

— Ты не умрёшь сегодня, — произнёс Риан, и его голос был тише, чем шорох крыльев мотылька. — Но жить ты будешь, принадлежа мне.

Он прижал ладонь к её крошечной груди, туда, где должно было биться сердце, но стучало так слабо, что почти затихало. С губ Риана сорвались слова на Языке Первых —

том самом, на котором говорили создатели фэйри, когда мир был юн. Чёрные нити, тонкие, как паутина, и прочные, как сама Судьба, заструились от его пальцев, обволакивая тельце младенца.

Ребёнок вздрогнул, выгнул спинку, и на мгновение в его глазах вспыхнула тьма — та самая, что была в шаре Оракула. Но затем она погасла, спрятавшись глубоко-глубоко. Сердце забилося ровно, сильно. Дыхание выровнялось. Щёчки порозовели.

Руан обессиленно откинулся на грязный ящик. По его виску скатилась капля пота. Магия забрала почти все его силы. Но он сделал это. Пророчество было обмануто, убаюкано ложной смертью ребёнка, которую зафиксировала магическая сеть мира.

Теперь нужно было замести следы. Он поднялся, бережно держа спящего младенца на руках, и посмотрел на мёртвую женщину. Поразительно, но даже в смерти она прижимала к себе какой-то истёртый кожаный мешочек. Руан, повинаясь внезапному порыву, наклонился и поднял его. Внутри лежал крошечный кулон — дешёвое серебро с выгравированной буквой «Э» и засушенным цветком вереска. Единственное наследство Элары. Он спрятал его в карман.

Затем он переместился к воротам приюта Святой Агнессы — единственному месту в человеческом квартале, где не морили голодом. Положил свёрток на ступени, укрыл край мешковины от ветра и вложил в крошечные пальчики кулон.

— Прощай, Элара, — сказал он в пустоту. — И, молю тебя, никогда не попадайся мне на глаза.

Вернувшись в Чёрный Шпиль, Риан рухнул в кресло и просидел так до самого рассвета. Новые звёзды так и не зажглись. Морвейн не пришла с вопросами — она знала, что лучшие не тревожат дракона, когда он зализывает раны.

Той же ночью, пока Элара спала в приюте, а Риан пил терпкое вино, пытаясь заглушить гул в сердце, в мире фей-ри произошло ещё одно событие. В Дворе Солнца, в роскошной колыбели под балдахином из золотых лучей, проснулся годовалый наследный принц Кэллен Эвергрин. Ему приснился кошмар — девочка с серебряными волосами, окружённая пламенем и тьмой. Он закричал, и его отец, король Аларик, войдя в детскую, увидел странное свечение в глазах сына — дар предвидения, проклятие их рода.

— Она разрушит всё, что мы строим, — прошептал король, глядя на сына. — Ты вырастешь и принесёшь её мне, Кэллен. Ты станешь её другом. Её возлюбленным. И когда она полюбит тебя без памяти, ты вонзишь кинжал ей в спину. Это твоя судьба.

Ребёнок, не понимая слов, заплакал ещё громче. Семена будущего предательства были посеяны той же ночью, когда Риан спас ту, что должна была умереть.

Прошло девятнадцать лет. Девятнадцать лет Риан заставлял себя не думать о девочке. Он запечатал воспоминания в самых глубоких подвалах своей души, приказал Мо-

рвейн молчать под страхом изгнания и с головой погрузился в управление Академией. Он почти убедил себя, что всё это был дурной сон.

Пока одним дождливым утром в его кабинет не постучали. На пороге стоял глава отбора Ключей с докладом:

— Мой Лорд, у нас неожиданный отклик из человеческого квартала. Девушка, девятнадцать лет, без магии, но с невероятно высоким потенциалом Ключа. Её имя — Элара Вэйн.

Руан поднял голову от бумаг, и впервые за два десятилетия его рука, державшая перо, дрогнула. В окно, затянутое вечными сумерками, не проникало солнце, но он готов был поклясться, что услышал отдалённый детский плач и почувствовал на пальце слабый захват крошечного кулачка.

Игра, поставленная на паузу девятнадцать лет назад, началась снова. И на кону теперь стояла не только жизнь Разрушительницы, но и его собственное, уставшее от вечности сердце.

ГЛАВА 1. ЭЛАРА

Меня зовут Элара.

Просто Элара. Без фамилии, без рода, без прошлого, которое имело бы значение. Когда мне было пять, я спросила матушку Таис, воспитательницу приюта Святой Агнессы, кто мои родители. Она поджала губы — тонкие, как лезвие ножа, — и сказала: «Твоя мать умерла, давая тебе жизнь, дитя. А отец Отец твой был пьяным матросом, который даже не знал о твоём существовании». Большие я не спрашивала.

К девятнадцати годам я научилась жить без ответов. Труднобы Нижнего Эверлона не располагают к долгим размышлениям о происхождении. Здесь вопросы стоят иначе: где достать еду, как не замёрзнуть зимой и кого ударить первым, чтобы не ударили тебя. Сентиментальность — привилегия сытых. Я не была сытой никогда.

Но даже в самые голодные дни, даже когда я дрожала от холода в подворотне, прижимая к груди украденную краюху хлеба, я знала: я — не пустое место. У меня есть кое-что. Метка. Та самая, что пульсировала на запястье с самого рождения, — бледный серебряный узор, похожий на треснувший лёд или на когтистую лапу неведомого зверя. Матушка Таис велела прятать её. «Фейри не должны видеть», — говорила она, и в её глазах плескался такой страх, что

я слушалась.

Девятнадцать лет я носила кожаный браслет, не снимая. Девятнадцать лет никто не знал.

А потом они пришли.

Три дня назад моя жизнь закончилась.

Я помню запах. В подвале, где я пряталась, пахло плесенью, крысиным помётом и страхом. За стенами выла сирена — магический сигнал, который включали, когда в Нижний Эверлон заходили патрули фейри. Обычно это означало облаву на должников или поиск беглых рабов. Я сидела тихо, забившись в угол, и молилась, чтобы прошли мимо.

Не прошли.

Дверь выбили с трёх ударов. Я даже не успела вскочить. Они ворвались — трое Высших фейри в чёрных мундирах с гербом Совета Дворов: скрещённые мечи над чашей, из которой поднимается пламя. Я видела этот герб только на королевских указах, которые расклеивали на стенах.

— Объект найден, — произнёс один из них, разглядывая меня с ленивым интересом. У него были золотистые глаза с вертикальными зрачками и волосы цвета меди, собранные в низкий хвост. — Девятнадцать лет, человеческая самка, серебристые волосы, глаза серые. Особые приметы: метка на левом запястье.

Он знал. Они знали.

— Я никуда с вами не пойду, — сказала я. Голос почти не дрожал. Почти. — У вас нет права

— Права? — фэйри улыбнулся, и улыбка эта была прекрасна и ужасна одновременно. — У Совета есть все права, человечка. Особенно на таких, как ты.

Я побежала.

Трущобы — моя территория. Я знала каждый проходной двор, каждую щель, каждую гнилую лестницу, на которую лучше не ступать. Но против магии фэйри мои знания были бесполезны. Медноволосый просто вытянул руку, и воздух вокруг меня сгустился, превратившись в невидимую клетку. Я замерла на полушаге, не в силах пошевелиться. Сердце колотилось так, что, казалось, пробьёт грудную клетку.

— Умная девочка, — произнёс он, подходя ближе. — Но недостаточно быстрая.

Он коснулся моего лба ледяным пальцем, и мир провалился в темноту.

Очнулась я в фургоне для скота. Руки были скованы за спиной. Во рту — привкус крови и желчи. За решётчатой дверью мелькали чужие улицы, а потом — поля, леса, дороги, которых я никогда не видела. Мы ехали три дня. Мне не давали ни еды, ни воды. Только раз в день стражник просовывал в клетку грязную флягу и кусок хлеба, твёрдого, как камень. Я ела и пила, потому что гордость не спасёт от голодной смерти.

Всё это время я думала. Почему я? Что такое «потенциальный ключ»? И куда, во имя всех забытых богов, меня везут?

Ответ я получила на третий день, когда фургон остановился и стражник, рывком подняв меня на ноги, бросил:

— Прибыли. Академия Проклятых Сердец. Добро пожаловать в ад, человечка.

Академия возвышалась надо мной, как каменный бог.

Чёрный мрамор её стен впитывал солнечный свет, и от этого казалось, что замок окружён вечными сумерками. Башни, острые, как клыки, вонзались в низкое серое небо. На вершине каждой горело холодное магическое пламя — синее, фиолетовое, изумрудно-зелёное. Шпили переплетались, образуя сложный узор, от которого кружилась голова. Главные ворота — две каменные створки — были украшены резьбой в виде сложенных драконьих крыльев.

Воздух здесь был другим. Густым. Тяжёлым от магии. Она давила на плечи, заставляла волосы на затылке шевелиться, а кожу — зудеть, как перед грозой. Я чувствовала её языком, костями, самой селезёнкой. Магия была повсюду — в камнях мостовой, в воде фонтана (он извергал не воду, а жидкое серебро), в глазах студентов, что стояли вдоль стен и разглядывали меня, как диковинного зверька на ярмарке.

Фейри.

О, они были прекрасны. До тошноты, до рези в глазах. Высокие, стройные, с лицами, будто вырезанными из лунного камня. Одетые в тёмно-синие мантии с серебряным шитьём — у каждого свой герб на воротнике. Они перегляды-

вались, переищёптывались, улыбались — лениво, жестоко, как сытые кошки, заметившие мышь.

— Это её, что ли, Совет прислал? — раздался звонкий голос.

Из толпы выступила девушка. Высокая, с медными волосами, заплетёнными в сложную корону, и глазами цвета грозового неба. Почти как у меня. Только в моих был страх, а в её — лёд.

— Тощая какая, — она обошла меня по кругу, и я почувствовала себя лошадьё, которую оценивают перед покупкой. — И волосы. Что это за цвет? Пепел? Или седина? Ты красишь их золой, человечка, или это от страха?

Я молчала. Язык чесался ответить, но инстинкт самосохранения — тот самый, что помог мне пережить девятнадцать лет в труппах, — приказал заткнуться. Я не знала, кто она. Я не знала правил этой игры. А в незнакомой игре первый ход — всегда проигрышный.

— Не отвечаешь? — она склонила голову набок. — Может, ты немая? Или глупая? Или и то, и другое?

Смех прокатился по толпе. Холодный, нечеловеческий, как звон разбитого хрусталя.

— Меня зовут Лирандра, — она улыбнулась, и в улыбке было больше яда, чем в змеином укусе. — Запомни это имя. Потому что отныне я твой личный кошмар. В Академии есть традиция — новичкам устраивают посвящение. И знаешь что? Я обожаю традиции.

Она шагнула ближе и провела пальцем по моей щеке. Кожа у неё была холодной, как у покойника.

— У тебя интересная метка, — произнесла она тише, и её взгляд скользнул на моё запястье, которое я машинально прижала к груди. — Я чувую её. Она пахнет Тьмой. И Советом.

— Оставь её, Лир.

Голос прозвучал мягко, но в нём чувствовалась сталь. Я обернулась.

Он стоял на ступенях главного входа — высокий, широкоплечий, с золотыми волосами, в которых играл скупой солнечный свет. Мантия на нём была дороже, чем всё, что я видела в жизни: чёрный шёлк с алым подбоем и золотым гербом на груди — крылатый меч, пронзающий корону. Наследный принц. Таких видно за милю.

— Она напугана, — сказал он, спускаясь. — Не стоит начинать знакомство с угроз.

Лирандра скривилась, но отступила. Даже у фейри есть иерархия, и принцы в ней стоят выше стервятниц.

— Кэллен, вечно ты портишь веселье, — бросила она через плечо и ушла, уводя за собой свисту.

Я осталась стоять, сжимая кулаки. Сердце колотилось где-то в горле.

— Ты в порядке? — принц подошёл ближе.

Я вскинула подбородок.

— В полном. Обожаю, когда меня унижают прилюдно.

Это моё хобби.

Он улыбнулся — и впервые за весь день эта улыбка была тёплой. Человеческой.

— Ты храбрая. Это хорошо. Храбрость здесь пригодится.

— А сочувствие? — я не удержалась. — Его здесь отырают вместе с крыльями?

— Сочувствие здесь — редкость. — Он наклонился чуть ближе и понизил голос: — Но иногда встречается. В самых неожиданных местах.

Я смотрела на него. На его синие, как летнее небо, глаза, на открытое лицо, на прядь золотых волос, упавшую на лоб. Что-то внутри меня — та самая часть, что ещё не научилась верить, — потянулась к нему. Как цветок к солнцу.

«Не доверяй», — прошептал внутренний голос. — «Здесь все враги».

— Мне нужно идти, — сказала я. — Меня ждут.

— Ректор? — его лицо изменилось. Всего на миг — но я заметила. Тень. Тревога. Что-то тёмное промелькнуло в его глазах и исчезло.

— Да. Меня должны представить ректору.

— Ректор Риан, — произнёс он, и голос его стал осторожным. — Верховный лорд-дракон. Последний из Крылатых. Тебе стоит поторопиться. Он не любит ждать.

— Говорят, он носит маску, — сказала я. — Это правда?

Кэллен помолчал. Потом ответил:

— Правда. И если встретишь его, запомни одно: не смотри ему в глаза слишком долго. Говорят, тот, кто увидит его без маски, навсегда теряет себя.

По моей спине пробежал холодок. Не от страха — от предчувствия. Такого острого, что сводило зубы.

— А теперь иди, — Кэллен отступил. — Удачи, Элара из трущоб.

— Ты знаешь моё имя?

— Я спрашивал. — Он улыбнулся снова, но теперь в этой улыбке было что-то грустное. — Из любопытства.

Меня уже ждали. Двое стражников в чёрных плащах, с лицами, скрытыми капюшонами. Они молча взяли меня под локти и повели прочь, в темноту главных дверей. Я оглянулась на Кэллена. Он стоял на ступенях и смотрел мне вслед, а солнце золотило его волосы, и на мгновение он показался мне героем из сказки. Тем самым рыцарем, что спасает принцессу из лап дракона.

Вот только дракон в этой истории, кажется, ждал меня впереди.

Меня вели бесконечными коридорами. Чёрный мрамор сменялся серым, серый — чёрным, и я потеряла счёт поворотам. Магические светильники парили под потолком, отбрасывая дрожащие тени. Со стен смотрели портреты древних фейри — надменные лица, пустые глаза. Воздух становился холоднее и тяжелее с каждым шагом. Я чув-

ствовала, как магия давит на плечи, словно само здание не хотело, чтобы я шла дальше.

— Зал Связи, — произнёс один из стражей, когда мы остановились перед высокой дверью, украшенной резьбой в виде переплетённых змей и драконов. — Молись своим человеческим богам, девчонка. То, что сейчас произойдёт, решит твою судьбу.

Дверь открылась беззвучно.

Зал был огромен. Купол терялся в полумраке, но я видела, что он расписан звёздами — живыми, движущимися, как настоящее ночное небо. Колонны из лунного камня тянулись вдоль стен, пульсируя мягким серебристым светом. Пол был зеркальным, и я видела своё отражение под ногами — бледное, испуганное, чужое.

А в центре зала стоял алтарь.

Чёрный камень, покрытый рунами, которые светились алым. На алтаре парила сфера — переливающаяся тьмой и светом одновременно, медленно вращающаяся в воздухе. От неё исходила сила. Древняя. Голодная. Я чувствовала её кожей, и каждая клетка моего тела кричала: «Беги».

Но бежать было некуда. Потому что перед алтарём стоял он.

Ректор Риан.

Высокий. Выше любого фэйри, которого я видела. Плечи, обтянутые чёрным церемониальным одеянием, были широки и неподвижны, словно высечены из камня. Волосы — чёр-

ные как смоль, с серебряными прядями у висков — падали на плечи. Руки он держал за спиной, и весь его облик дышал такой абсолютной, безграничной властью, что у меня перехватило дыхание.

А лицо лицо скрывала маска.

Она закрывала верхнюю половину, оставляя видимыми только губы и челюсть — жёсткие, резкие, словно вырезанные из мрамора. Маска была костяной, украшенной драконьими чертами: изогнутые гребни, разинутая пасть. Глазницы её светились холодным синим огнём.

Но настоящие глаза были за ней. Живые. Серебряные. Древние. И они смотрели прямо на меня.

— Оставьте нас, — произнёс он. Голос его был низким, как гром за горизонтом, и резонировал где-то в груди, заставляя сердце биться чаще.

Стражники исчезли. Дверь закрылась за моей спиной. Я осталась одна наедине с драконом.

— Подойди.

Я не двинулась с места. Ноги словно приросли к полу. Не из упрямства — из чистого, первобытного ужаса, который сковывал мышцы ледяными цепями.

— Ты слышала меня, — повторил он. В его голосе не было угрозы. Но в нём не было и тепла. Только холод, бесконечный, как само время.

Я заставила себя сделать шаг. Потом ещё один. И ещё. Каждый давался с трудом, словно я шла по колёно в ледяной

воде. Сфера на алтаре пульсировала в такт моему сердцу. Или это моё сердце билось в такт ей?

— Ты знаешь, зачем ты здесь? — спросил он, когда я остановилась в нескольких шагах от алтаря.

— Понятия не имею, — голос прозвучал хрипло. — Меня выдернули из труппы, везли в клетке для скота и бросили к ногам ваших студентов, как мешок с костями. Никто не счёл нужным объяснить, за что.

Он молчал. Смотрел на меня. Я физически ощущала этот взгляд — как прикосновение к обнажённому нерву.

— Ты — потенциальный Ключ, — сказал он наконец. — Существо, способное взаимодействовать с источником Тьмы. Такие рождаются раз в тысячу лет. Совет считает, что ты можешь быть полезна.

— Полезна? — я усмехнулась. — Похоже на то, как используют молоток. Или отвёртку.

— Именно так.

Я не ожидала такой прямоты. На мгновение даже страх отступил, уступив место старой доброй злости.

— И что, если я откажусь быть полезной?

Он шагнул вперёд. Всего один шаг — но расстояние между нами словно исчезло. Я чувствовала запах — холодный, как зимний лес, с нотками дыма и чего-то ещё, древнего и опасного. От него веяло силой. Той самой, что давила на плечи с момента прибытия.

— У тебя нет выбора, — сказал он. — Если ты Ключ —

ты нужна Авалону. Если нет — он замолчал.

— Если нет? — я вскинула подбородок, заставляя себя смотреть в синие глазницы его маски. — Меня убьют? Бросят обратно в трущобы? Что?

— Ты свободна, — сказал он, но что-то в его тоне заставило меня усомниться. — Я лично прослежу, чтобы тебя вернули в город. Живой.

«Живой». Слово повисло в воздухе, как приговор. Я знала эту игру. «Живой» не значит «невредимой». «Живой» не значит «в здравом рассудке».

— Что я должна сделать?

— Прикоснуться к артефакту, — он кивнул на сферу. — Если ты действительно Ключ — он отзовётся. Если нет — ничего не произойдёт.

— И вы так просто меня отпустите?

— Я похож на того, кто тратит время на пустые угрозы?

Нет. Не похож. Он был похож на человека — нет, на существо, — которое пережило столько, что человеческая жизнь для него значила меньше, чем капля дождя.

Я сглотнула и подошла к алтарю. Сфера парила на уровне моей груди. Она была прекрасна и ужасна одновременно — клубящаяся тьма в сердцевине, окружённая ореолом холодного света. Я чувствовала её зов. Тихий, настойчивый, как шёпот в затылке. «Прикоснись. Прикоснись. Ты знаешь, что хочешь этого».

— Просто прикоснись, — повторил Риан за моей спиной.

— Она не причинит тебе вреда.

Я протянула руку.

Пальцы дрожали.

«Ты выживешь», — сказала я себе. — «Ты всегда выживала».

И коснулась.

Мир взорвался.

Боль — такая, какой я не знала никогда, — пронзила каждую клетку моего тела. Сфера вспыхнула ослепительным светом, и этот свет хлынул в меня, через меня, заполняя пустоты, о существовании которых я даже не подозревала. Руны на алтаре загорелись алым, пол задрожал, и где-то далеко, на грани слышимости, зазвучал голос — древний, замогильный, произносящий слова на языке, которого я не знала, но понимала каждой каплей крови.

А потом что-то рвануло.

Тьма. Чёрная, живая, голодная — вырвалась из сферы и схлестнула, как змея. Но она ударила не в меня. Она ударила в него.

Риан пошатнулся. Я услышала его сдавленный выдох — то ли от боли, то ли от ярости. Его магия — золотая, обжигающая, пахнувшая озоном — хлынула навстречу Тьме, и две силы схлестнулись в воздухе прямо над алтарём. Они сплетались, рвали друг друга на части, сливались — и в этом слиянии я почувствовала нечто, чего не должно было

существовать.

Связь.

Тонкая, как шёлк, но прочнее стали. Она тянулась от моей груди к его. Я чувствовала его. Его ярость — холодную, контролируемую, но жгучую. Его боль — древнюю, спрятанную глубоко под слоями льда. Его страх — острый, как лезвие, и такой же неожиданный.

И он чувствовал меня.

Я рухнула на колени. Сфера погасла. Тьма схлынула. В зале воцарилась тишина — такая глубокая, что я слышала биение собственного сердца и эхо его сердцебиения в своей груди. Два сердца. Два ритма. Одна связь.

Руан стоял надо мной. Маска сияла холодным синим огнём. Губы были сжаты в линию. Его плечи вздымались от дыхания — впервые я видела его хоть сколько-нибудь выбитым из равновесия.

И тогда из алтаря поднялся дух.

Он был древним. Бесформенным. Сотканным из теней и шёпота. Голос его звучал как шелест осенних листьев, гонимых ветром по пустому склепу.

— Узлы завязаны, — произнёс он, и слова эти впечатались в воздух, как клеймо в кожу. — Ключ пробуждён. Сосуд отмечен. Условие объявляется.

Я с трудом подняла голову. Тело не слушалось. Руки дрожали. Метка на запястье горела алым — теперь она не была просто узором. Она была живой.

— Какое условие? — прошелестела я.

Дух помедлил. Мне показалось, что в его бесформенном обличье промелькнуло что-то похожее на улыбку.

— Сердце Проклятия, — прошелестел он. — Источник Тьмы. Скрыт в Серых Пустошах, в Лабиринте Сломанных Душ. Найти. Уничтожить. Срок — один лунный цикл.

Он замолчал. Тишина звенела.

— Если Узы не будут разорваны смертью Врага, — продолжил дух, и голос его стал тише, но от этого только страшнее, — Связанные умрут. Оба. В муках, которые не описать словами.

Месяц.

Одно слово. И весь мой мир рухнул.

Дух исчез так же внезапно, как появился. Тени рассеялись. Руны на алтаре погасли. Сфера опустилась на камень, теперь тусклая и безжизненная, как обычный стеклянный шар.

Я стояла на коленях перед алтарём. Волосы прилипли к лицу. Рубашка промокла от пота. Тело дрожало, как после долгой лихорадки, и в груди, там, где теперь пульсировала чужая жизнь, разгоралась тупая, ноющая боль.

— Вставай, — приказал Риан.

Я не пошевелилась. Не потому что не хотела — просто не могла. Ноги отказывались слушаться.

— Вставай, — повторил он, и на этот раз в его голосе мелькнуло что-то кроме холода. Раздражение? Или трево-

га?

Он протянул руку. Белую, с длинными пальцами, на которых тускло мерцали кольца. Руку, которая девятнадцать лет назад держала меня, новорождённую, над грязью трущоб и запечатывала мою душу заклинанием, о котором я не знала.

Я не знала этого. Не могла знать. Но что-то внутри меня — та самая интуиция, что спасала меня от смерти десятки раз, — закричала.

Я не взяла его руку. Поднялась сама, цепляясь за край алтаря. Колени дрожали. В висках стучало.

— Что теперь? — спросила я, глядя ему в глаза. Вернее, в маску. — Мы умрём?

— Не обязательно, — ответил он. — Если ты будешь делать то, что я скажу.

— А если не буду?

Он шагнул ближе. Теперь нас разделяло не больше ладони. Я чувствовала жар, исходящий от его тела — неестественный для фейри, но естественный для дракона.

— Тогда я убью тебя сам, — произнёс он тихо. — Быстрее и милосерднее, чем это сделает Проклятие.

Я смотрела в синие глазницы его маски. И впервые за девятнадцать лет мне было по-настоящему страшно. Не за свою жизнь. За свою душу.

Потому что где-то в глубине этих серебряных глаз, спрятанных за костяной бронёй, мне почудилось что-то знако-

мое. Что-то, что я не могла узнать — но что, клянусь, узнало меня.

— Завтра в шесть утра, — сказал он, отступая. — Тренировочный полигон в катакомбах. Опоздаешь — пеняй на себя.

Он развернулся и пошёл к выходу. Чёрное одеяние колыhalось, как крылья. У самой двери он остановился и бросил через плечо:

— И, Элара добро пожаловать в Академию Проклятых Сердец. Теперь ты одна из нас.

Дверь захлопнулась. Я осталась одна.

Одна в огромном зале, под равнодушными звёздами. С меткой, пульсирующей алым на запястье. С Узами, тянущимися от моего сердца к сердцу чудовища. И с вопросом, который теперь будет мучить меня до конца дней:

Что я такое?

Ответа не было. Только тишина, холодный свет лунного камня и далёкое эхо шагов, затихающее в бесконечных коридорах Академии.

Я не знаю, сколько времени просидела там, на холодном полу, глядя на свои руки. Серебряная метка больше не горела, но под кожей, глубоко-глубоко, я чувствовала движение. Тьма, пробуждённая прикосновением к сфере, теперь жила во мне. И она была голодна.

Я сжала кулаки так сильно, что ногти вонзились в ладони.

— Ты выживешь, — прошептала я. — Ты всегда выживала.

Но впервые в жизни я не была уверена, что это правда.

Где-то наверху, в своих покоях, Риан стоял у окна и смотрел на погасшие звёзды. Маска лежала на столе. Лицо, скрытое от мира почти двадцать лет, было прекрасно и ужасно — с чёткими, резкими чертами и чёрными венами, расползающимися от уголков глаз. Метка запретной магии. Плата за спасение жизни, которая теперь грозила уничтожить их обоих.

— Она вернулась, — прошептал он в пустоту. — Девятнадцать лет. Я думал, что смогу забыть. Но она вернулась.

И где-то в Дворе Солнца, в своей башне, наследный принц Кэллен сидел на подоконнике и смотрел на ту же бесконечную ночь. Его синие глаза были полны слёз. Он знал, что видел во сне сегодня. Знал, что должен сделать.

— Прости меня, Элара, — сказал он, сжимая в кулаке медальон с гербом своего Дома. — Прости меня за то, что я ещё не сделал. И за то, что сделаю.

Три судьбы. Три проклятия. Три сердца, связанных пророчеством, которое не щадит ни людей, ни фэйри, ни драконов.

И месяц, чтобы найти Сердце Тьмы.

Время пошло.

Я не знаю, сколько времени просидела на холодном полу Зала Связи. Минуту. Час. Вечность. Звёзды под куполом

двигались — медленно, торжественно, равнодушно. Они вычерчивали созвездия, которых я не знала: Дракон, Чаша, Ключ. И ещё одно — то, что напоминало разбитое надвое сердце.

Метка на запястье больше не горела, но пульсировала. Глухо, в ритм с сердцем. Или с чем-то другим — с тем, что поселилось в моей груди после прикосновения к сфере. Узы. Я чувствовала их, как чувствуют дыхание стоящего за спиной человека. Нет — не человека. Дракона.

Где-то там, в лабиринтах Академии, Риан шёл по коридорам, и каждый его шаг отдавался во мне эхом. Я не знала, куда он идёт и о чём думает. Но я знала, что он зол. И что ему страшно.

Эта чужая эмоция — липкая, холодная, спрятанная глубоко под слоями льда и ярости — была самой странной вещью, которую я когда-либо испытывала.

Я заставила себя встать. Ноги держали плохо, но держали. Руки дрожали, но я сжала их в кулаки, и дрожь унялась. Я не могла позволить себе слабость. Не здесь. Не сейчас.

Двери Зала Связи открылись, когда я приблизилась к ним. Сами. Без скрипа, без магии — просто разошлись в стороны, как будто здание признало меня. Или как будто хотело поскорее выплюнуть.

В коридоре было пусто. Ни стражников, ни студентов, никого. Только бесконечная анфилада из чёрного мрамора.

ра, подсвеченная холодным огнём магических светильников. Мои шаги звучали слишком громко в этой тишине — цок, цок, цок, — как удары маленького молоточка по огромному пустому колоколу.

Я не знала, куда идти. Восточное крыло — так, кажется, сказал Кэллен? Но где оно? Я повернула направо, потом налево, потом ещё раз направо и оказалась в точно таком же коридоре, из которого вышла. Чёртов лабиринт.

— Заблудилась?

Я вздрогнула и обернулась. Кэллен стоял, прислонившись плечом к колонне, и смотрел на меня с той же тёплой, чуть грустной улыбкой, что и днём. Он был без мантии — только белая рубашка с закатанными до локтей рукавами и чёрные брюки. Ворот расстёгнут, волосы слегка растрёпаны. Не принц — просто уставший парень, который почему-то ждал меня в пустом коридоре.

— Ты следил за мной? — спросила я, и голос прозвучал резче, чем хотелось.

— Нет. Ждал. — Он оттолкнулся от колонны и подошёл ближе. — Я почувствовал выброс магии. Весь замок трянуло. И я волновался.

— Волновался? — я усмехнулась. — О человеческой девчонке, которую видишь второй раз в жизни?

— О тебе.

Он сказал это просто. Без пафоса, без притворства. И от этой простоты у меня что-то сжалось в груди.

— Со мной всё в порядке, — сказала я, отводя взгляд. — Ну, почти. Кроме того, что я связана Узами души с древним драконом и теперь должна найти какое-то Сердце Проклятия, чтобы не умереть через месяц.

Кэллен побледнел. Не как человек — как фэйри, чья кожа в один миг стала цвета слоновой кости.

— Узы души? — переспросил он. — Ты уверена?

— Дух из алтаря сказал именно это. И ещё что-то про Ключ и Сосуд. Я не всё поняла.

— Ключ и Сосуд, — Кэллен провёл рукой по волосам. — Древняя магия. Очень древняя. Говорят, её использовали во время Войны Дворов, чтобы связывать врагов. Чтобы они чувствовали боль друг друга. Чтобы не могли предать.

— Мы не враги, — сказала я. — То есть не совсем враги. Мы просто

— Что?

— Не знаю, — я пожала плечами. — Случайные жертвы дурацкого пророчества.

Он смотрел на меня долгим, странным взглядом. Как будто хотел что-то сказать, но не решался. А потом просто кивнул.

— Идём. Я провожу тебя в комнату. А по дороге расскажу всё, что знаю о Сердце Проклятия.

Мы шли по пустым коридорам, и его присутствие рядом странным образом успокаивало. Может, дело было в его голосе — глубоком, мягком, без тех острых углов, что были у

Риана. Может, в том, как он смотрел на меня — не как на диковинного зверька и не как на угрозу. А как на человека.

— Сердце Проклятия, — начал он, когда мы свернули в очередной переход, — это легенда. Очень старая. Её рассказывают детям, чтобы они не баловались с запретной магией.

— Отличное начало. Обожаю детские страшилки.

— Серьёзно, Элара. — Он остановился и посмотрел на меня. — Никто не знает, существует ли оно на самом деле. Говорят, Сердце — это осколок изначальной Тьмы, той, из которой были созданы фейри. Его спрятали где-то в Серых Пустошах, в Лабиринте Сломанных Душ.

— Лабиринт Сломанных Душ, — повторила я. — Звучит как место, куда хочется поехать в отпуск.

— Те, кто туда входил, не возвращались.

— Совсем?

— Иногда возвращались. Но это были уже не они. — Кэллен понизил голос. — Говорят, Сердце питается душами. Оно выпивает всё светлое, что есть в человеке или фейри, оставляя только оболочку. Пустую. Безвольную. Безумную.

Я сглотнула. Хорошо. Просто замечательно. Мне дали месяц на то, чтобы найти и уничтожить артефакт, который сводит с ума и пожирает души. И помочь мне должен дракон, который меня ненавидит.

— Есть и хорошие новости, — сказал Кэллен.

— Да? Какие?

— Ты не одна. — Он улыбнулся, и в этой улыбке было столько тепла, что я на мгновение забыла о Сердце, о драконе, о смерти, нависшей надо мной. — Я помогу тебе. Чем смогу.

— Зачем? — спросила я. — Ты — принц. У тебя есть Двор, обязанности, будущее. Зачем тебе помогать человеческой сироте, которую ты знаешь меньше дня?

Он помолчал. Потом сказал:

— Потому что я знаю, каково это — быть пешкой в чужой игре. — Его голос стал тише. — Мой отец он видит во мне не сына, а инструмент. Оружие. Я с детства знал, что моя жизнь мне не принадлежит. Что у меня есть предназначение, которое я не выбирал.

— И что это за предназначение?

Он посмотрел на меня. И в его синих глазах было что-то, чего я не поняла. Боль. Вина. Тоска. Всё сразу.

— Не важно, — сказал он наконец. — Важно то, что я понимаю тебя. И я не хочу, чтобы ты прошла через это в одиночку.

Он протянул мне руку. Ладонью вверх. Я посмотрела на неё — на длинные пальцы, на голубоватые вены под бледной кожей, на тонкий шрам у основания большого пальца. Рука принца. Рука воина. Рука человека, который предлагал дружбу, не требуя ничего взамен.

Я взяла её.

Никакой магии. Никаких Уз. Только тепло — простое, че-

ловеческое, настоящее.

— Спасибо, — сказала я.

— Не за что.

Мы пошли дальше. Восточное крыло оказалось именно там, где он говорил — за старой дубовой дверью с потускневшей медной табличкой. Коридор здесь был уже и скромнее: никакого мрамора, только серый камень, да тусклые лампы под потолком. Двери — деревянные, с номерами. Почти как в приюте.

— Семнадцатая, — Кэллен остановился перед нужной дверью. — Я узнавал. В восточном крыле селят человеческих студентов. Точнее, тех немногих, кого сюда привозят.

— Сколько нас?

— Сейчас — трое. Ты, парень по имени Тобиас и девушка, кажется, Мира. Они здесь уже полгода.

— И как они выживают?

— По-разному. — Он отвёл взгляд. — Тобиас — сильный маг, его боятся. Мира она тихая. Старается не привлекать внимания.

— А я?

— Ты? — он улыбнулся. — Ты будешь привлекать внимание, что бы ни делала. Это у тебя в крови.

Он толкнул дверь. Комната была крошечной — кровать, застеленная серым одеялом, стол, стул, узкое окно, выходящее во внутренний двор. На столе стояла свеча и кувшин с водой. На кровати лежала стопка одежды — чёрная форма

с серебряным кантом, такая же, как у других студентов, только без герба.

— Не Версаль, — прокомментировал Кэллен.

— Мне не привыкать. В трущобах было хуже.

Он хотел что-то сказать, но замер, глядя на моё запястье. Я машинально прижала его к груди — но поздно. Он уже увидел. Метка, та самая, теперь сияла алым, и узор её изменился. Прежде он был похож на треснувший лёд. Теперь — на драконью чешую.

— Откуда она у тебя? — спросил он тихо.

— С рождения. Я не знаю, что это.

— Дай посмотрю.

Я колебалась. Потом протянула руку. Он взял её осторожно, почти благоговейно, и всмотрелся в серебристо-алые линии.

— Это метка Дома Пепла, — произнёс он наконец. — Драконья метка.

— Что?

— Дом Пепла — один из древнейших Дворов. Его лорд — Риан. И его символ — дракон.

Внутри у меня всё похолодело.

— Ты хочешь сказать, что я

— Я не знаю, что ты, Элара. — Он отпустил мою руку и отступил. — Но ты точно не простая человеческая сирота.

Я села на кровать. Ноги большие не держали. Метка Дома

Пепла. Драконья метка. Что это значит? Что я — потомок фэйри? Что я не совсем человек?

— Это многое объясняет, — продолжал Кэллен. — Почему Совет заинтересовался тобой. Почему артефакт отозвался. Почему Узы связали тебя именно с Рианом.

— Но я не чувствую в себе магии, — сказала я. — Вообще. Я — пустой сосуд. Так говорили все, кто меня проверял.

— Может, твоя магия просто спит. Или запечатана. Запечатана. Это слово ударило меня, как пощёчина. Что-то в нём было правильное. Что-то, что резонировало с пустотой внутри меня — той самой пустотой, которую я всегда ощущала, но не могла объяснить.

— Мне нужно отдохнуть, — сказала я. — Завтра тренировка. Риан сказал — в шесть утра. Если опоздаю, обещал убить.

— Он не убьёт, — Кэллен покачал головой. — Если ты умрёшь, умрёт и он.

— Тогда просто сильно покалечит.

— Это возможно. — Он улыбнулся уголком губ и направился к двери. — Я зайду за тобой утром. Провожу до ка-
такомб. В одиночку ты их не найдёшь.

— Спасибо.

Он остановился у двери, обернулся.

— Элара.

— Что?

— Будь осторожна с Рианом. Он не тот, кем кажется.

— А ты? — спросила я. — Ты тот, кем кажешься?

Он помолчал. Потом сказал:

— Спокойной ночи, Элара.

И вышел.

Я осталась одна. Свеча на столе отбрасывала дрожащие тени на серые стены. За окном сгущалась тьма — не ночная, а та особенная, магическая, которая бывает только в Авалоне. Звёзды здесь были чужими.

Я разделась до нижней рубашки и легла в кровать. Матрас оказался жёстким, подушка — тонкой, но после трёх дней в фургоне для скота это было почти раем. Я смотрела в потолок и думала.

Кэллен. Принц с тёплой улыбкой и странной грустью в глазах. Он был слишком добр для фейри. Слишком человечен. И это настораживало.

Риан. Дракон в маске. Холодный, жестокий, опасный. Но в его руках, когда он протянул мне их там, у алтаря, мне почудилось что-то ещё. Не слабость — нет. Что-то другое. Что-то, похожее на узнавание.

И метка. Драконья метка. Если я действительно связана с Домом Пепла, если во мне течёт кровь фейри — то чья? И почему Риан ничего не сказал?

Вопросы роились в голове, как пчёлы. У меня не было ответов. Была только усталость — глубокая, свинцовая, давящая на веки.

Я закрыла глаза.

И в тот же миг почувствовала его.

Риан.

Он был где-то далеко — может, в своей башне, может, в кабинете. Я не видела его. Но я чувствовала его эмоции, как рябь на воде. Холод. Одиночество. И — глубоко-глубоко, под слоями льда — что-то, похожее на тоску.

Он думал обо мне. Я знала это так же точно, как то, что солнце встанет на востоке.

«Кто ты?» — спросила я мысленно, не надеясь на ответ.

Ответа не было. Только рябь на воде. И далёкое эхо слов, которые он сказал девятнадцать лет назад, слов, которых я не слышала, но которые почему-то звучали во мне сейчас, как полузабытая мелодия:

«Ты не умрёшь сегодня. Но жить ты будешь, принадлежа мне».

Я вздрогнула и открыла глаза. Свеча погасла. Комната была погружена в темноту. Только метка на запястье пульсировала — тихо, ровно, как второе сердце.

Я села на кровати. Сердце колотилось. Что это было? Сон? Видение? Или прорыв Уз?

Я не знала. Но одно поняла точно: связь между мной и Рианом глубже, чем он говорит. И в моём прошлом есть тайна, которую он знает — но не хочет раскрывать.

Завтра я начну искать ответы.

А пока — спать. Потому что если я не высплюсь перед тренировкой, дракон меня точно прикончит.

Я легла обратно. Натянула одеяло до подбородка. Закрыла глаза.

И впервые за девятнадцать лет мне приснился дракон. Огромный, чёрный, с серебряными глазами. Он летел над Серыми Пустошами, и в когтях его билось живое сердце из чистой Тьмы.

А на спине у дракона сидела я.

Утро наступило слишком быстро.

В дверь забарабанили, когда за окном ещё даже не рассвело. Я подскочила на кровати, хватая ртом воздух, пытаюсь понять, где я и почему потолок надо мной серый, а не чёрный от плесени, как в приюте.

— Подъём, человечка! — раздался голос, который я уже ненавидела. Лирандра. — Ректор ждёт. И, поверь, он не любит ждать.

— Иду! — крикнула я, скатываясь с кровати и натягивая форму. Та оказалась почти впору — только рукава чуть длинны и в плечах свободна. Я закатала манжеты, плеснула в лицо водой из кувшина и открыла дверь.

Кэллен стоял в коридоре, и на его губах играла та же тёплая улыбка, что и вчера. При свете магических ламп его волосы отливали чистым золотом.

— Доброе утро, — сказал он. — Готова?

— Никогда не была готова ко всему этому, — ответила я, выходя. — Но выбора у меня нет.

— Выбор есть всегда, — он протянул мне яблоко. — Вот.

Позавтракаешь по дороге. До катакомб идти минут пять-надцать.

Я взяла яблоко. Оно было красным, блестящим, почти ненастоящим. Такие продавали в Верхнем Эверлоне за серебряную монету — сумма, которую я никогда не держала в руках.

— Спасибо, — я откусила кусок. Яблоко было сладким и хрустящим.

— Не за что.

Мы шли через просыпающуюся Академию. Студенты в мантиях спешили на занятия, переговариваясь вполголоса. Некоторые провожали меня взглядами — любопытными, враждебными, оценивающими. Я старалась не обращать внимания.

— Как спалось? — спросил Кэллен.

— Плохо. Мне снился дракон.

— Риан?

— Нет. Настоящий дракон. Чёрный. И я сидела у него на спине.

Кэллен замедлил шаг.

— Это не просто сон. Узы души иногда передают образы. Воспоминания. Чувства. Если тебе приснился дракон — возможно, это связано с ним.

— С Рианом?

— Он — дракон, Элара. Последний из Крылатых. Когда-то давно он мог принимать истинную форму. Но гово-

рят, что после проклятия он утратил эту способность.

— Какого проклятия?

— Никто не знает точно. — Кэллен пожал плечами. — Но с тех пор, как он стал ректором Академии, его никто не видел в драконьей форме. Только в человеческой.

Мы подошли к неприметной двери в дальнем конце коридора. Кэллен толкнул её, и в лицо пахнуло холодом и сыростью. Винтовая лестница уходила вниз, в темноту.

— Дальше — сама. В катакомбы допускают только преподавателей и тех, кого они тренируют.

— Спасибо, что проводил.

— Я буду ждать здесь, — сказал он. — После тренировки отведу в столовую. Тебе понадобятся силы.

Я кивнула и шагнула в темноту.

Лестница была крутой. Ступени — стёртыми. Со стен сочилась влага. Магические факелы горели через один, отбрасывая дрожащие тени. Я считала ступени, чтобы отвлечься от страха. Двадцать. Сорок. Шестьдесят.

На восьмидесятой ступени я вышла в пещеру.

Она была огромной. Свод терялся в темноте. По стенам горели синие магические огни. Пол был усыпан чёрным песком — мелким, как толчёный уголь. В центре пещеры находился каменный круг диаметром шагов в двадцать, испещрённый защитными рунами.

А в центре круга стоял он.

Риан.

Сегодня на нём не было церемониального одеяния. Только чёрная рубашка с закатанными до локтей рукавами и брюки. Впервые я видела его руки — сильные, с длинными пальцами и выступающими венами. На левом запястье мерцала метка. Такая же, как у меня. Только его светилась золотым, а не алым.

Маска была на месте.

— Ты опоздала, — произнёс он, не оборачиваясь.

— Всего на минуту.

— Минута в бою стоит жизни.

— Мы не в бою.

Он обернулся. Синие глазницы маски уставились на меня.

— Мы всегда в бою, Элара. Просто ты ещё этого не поняла.

Он подошёл к стойке с оружием, взял меч и бросил его мне. Я поймала — скорее рефлексивно, чем осознанно. Клинок оказался тяжелее, чем я ожидала.

— Сегодня ты научишься держать меч, — сказал он. — И, если повезёт, не отрежешь себе пальцы.

Я сжала рукоять обеими руками. Меч дрожал в моих пальцах.

— Я не воин, — сказала я. — Я сирота из трущоб. Самое опасное, что я держала в руках — кухонный нож.

— Знаю. — Он взял второй меч — такой же простой, боевой. — Поэтому мы начнём с азов. Встань в стойку.

— Какую?

— Ноги на ширине плеч. Колени полусогнуты. Меч — перед собой, кончик направлен на противника.

Я попыталась повторить. Получилось плохо. Руки дрожали, лезвие гуляло из стороны в сторону.

— Ты держишь его, как метлу, — в голосе Риана прозвучало что-то похожее на раздражение. Или на скуку. — Расслабь запястья. Меч — не дубина. Он должен стать продолжением руки.

— Легко сказать, — прошипела я. — Ты вообще пробовал учить людей? Настоящих людей, а не фейрийских выроdkов? Он замер.

— Что ты сказала?

Я поняла, что перегнула. Но отступить было поздно.

— Я сказала, что ты, наверное, никогда не учил тех, у кого нет врождённой магии. Тех, кто не может просто щёлкнуть пальцами и заставить меч летать.

Он шагнул ко мне. Медленно. Опасно. Воздух вокруг него, казалось, сгустился.

— Ты права, — произнёс он, и голос его был тих, как шёпот клинка, выходящего из ножен. — Я никогда не учил людей. Потому что люди — слабы. Они умирают быстро. И бесполезно.

— Тогда зачем тебе я? — я вскинула подбородок. — Если люди такие слабые и бесполезные, почему бы просто не убить меня сейчас? Сэкономил бы время.

Он остановился в шаге от меня. Ближе, чем позволяли

прилиция. Я чувствовала жар его тела — неестественный для фейри, естественный для дракона.

— Потому что Узы, — сказал он, — связали нас. Если умрёшь ты — умру я. А я не планирую умирать.

— Тогда учи, — я посмотрела ему прямо в маску. — Или сдохнем вместе.

Несколько секунд он молчал. А потом я увидела это. Дрогнувший уголок губ. Не улыбка. Что-то другое. Что-то почти человеческое.

— Встань в стойку, — приказал он. — И повторяй за мной.

Следующие два часа были адом.

Он гонял меня без остановки. Удар — блок — уклонение. Удар — блок — уклонение. Снова и снова. Мои руки налились свинцом. Ноги дрожали. Пот заливал глаза. Но я не останавливалась. Не жаловалась. Не просила перерыва.

Потому что каждая капля пота была каплей выживания. Потому что где-то в Серых Пустошах меня ждало Сердце Проклятия. И если я не научусь держать меч, оно сожрёт меня заживо.

— Достаточно, — сказал Риан, когда я в очередной раз едва не выронила клинок.

Я рухнула на песок, хватая ртом воздух.

— Завтра продолжим, — он вложил меч в стойку. — Не опаздывай.

— Подожди, — я с трудом поднялась на ноги. — Ответь

мне на один вопрос.

Он остановился, но не обернулся.

— Откуда у меня эта метка? — я закатала рукав, показывая серебристо-алый узор на запястье. — Кэллен сказал, что это метка Дома Пепла. Твоего Дома. Как такое возможно?

Молчание.

— Риан?

— Не сейчас, — сказал он глухо.

— А когда? Когда я умру? Когда мы оба умрём?

Он обернулся. И в его глазах — настоящих глазах, спрятанных за маской, — я увидела то, чего не ожидала. Не ярость. Не холод.

Боль.

— Когда ты будешь готова, — сказал он. — Не раньше.

И ушёл, оставив меня одну в полутьме катакомб, с мечом в дрожащей руке и сердцем, которое билось где-то в горле.

Я смотрела ему вслед. Чёрный силуэт растворялся в темноте, и я чувствовала его эмоции — так же ясно, как свои. Он не хотел говорить. Он боялся говорить. Потому что правда, которую он скрывал, могла разрушить всё.

Но что это была за правда?

И почему, глядя на него, я чувствовала не только страх и ненависть, но и что-то ещё? Что-то тёплое, спрятанное глубоко под грудой льда и ярости. Что-то, от чего хотелось плакать.

Я вытерла пот со лба и поплелась к лестнице. Кэллен ждал меня наверху — как и обещал. С флягой воды и сочувственной улыбкой.

— Ты жива, — констатировал он.

— Почти.

Я взяла флягу и сделала большой глоток. Вода была холодной, с привкусом лимона.

— Что он сказал?

— Ничего. — Я вернула флягу. — Но он знает. Знает, кто я. И не хочет говорить.

Кэллен нахмурился.

— Я попробую узнать, — сказал он. — У меня есть доступ к архивам. Может, там есть что-то о тебе.

— Зачем тебе это?

— Я же сказал, — он улыбнулся. — Ты не одна.

Мы пошли в столовую. Я едва переставляла ноги. Но где-то внутри, несмотря на усталость и страх, теплился огонёк надежды. У меня был союзник. У меня была цель. И у меня был месяц, чтобы найти Сердце Проклятия и спасти свою жизнь.

А ещё — у меня была тайна. Тайна, спрятанная в моей крови. Тайна, запечатанная в метке на запястье. Тайна, которую знал только дракон в маске.

И я намеревалась вывести её.

Чего бы это ни стоило.

ГЛАВА 2. УРОКИ ТЬМЫ.

Столовая Академии Проклятых Сердец была размером с храм.

Высокие своды терялись в полумраке. Витражные окна изображали сцены древних битв: драконы, рыцари, существа, которых я не могла назвать. Длинные столы тянулись через весь зал — отдельно для каждого факультета, как объяснил Кэллен. Факультет Теней, факультет Пламени, факультет Шторма. И в самом углу, у дверей на кухню, — маленький стол для людей.

Нас было трое.

Тобиас — высокий, угловатый парень с вечно хмурым лицом и руками, покрытыми шрамами от магических ожогов. Он ел молча, не глядя по сторонам. Мира — тихая девушка с пепельными волосами и глазами такого бледно-голубого цвета, что они казались почти прозрачными. Когда я села напротив, она вздрогнула и опустила взгляд в тарелку.

— Не обращай внимания, — сказал Кэллен, ставя передо мной поднос с едой. — Мира боится всех. А Тобиас просто не любит новые лица.

— Я никого не боюсь, — пробормотала Мира, не поднимая глаз. — Просто осторожна.

— Осторожность — это хорошо, — я взяла кусок хлеба. — В тущобах осторожность спасает жизнь.

Тобиас поднял голову и впервые посмотрел на меня — пристально, оценивающе.

— Трющобы? — переспросил он. — Нижний Эверлон?

— Он самый.

— Я слышал, там выживают только крысы и безумцы.

— Значит, я — безумная крыса.

Он фыркнул — не смех, но что-то близкое к нему — и вернулся к еде. Кажется, я прошла какую-то негласную проверку.

Кэллен сел рядом со мной, и я заметила, как несколько фейри за соседними столами покосились в нашу сторону. Наследный принц Двора Солнца, сидящий за человеческим столом? Это было нарушением всех мыслимых правил. Но Кэллена это, похоже, не волновало.

— Расскажи мне о факультетах, — попросила я, чтобы отвлечься от взглядов. — Как они работают?

— Три основных, — начал он, нарезая мясо на своей тарелке. — Факультет Теней специализируется на скрытности, иллюзиях и работе с Тьмой. Факультет Пламени — боевая магия, разрушение. Факультет Шторма — стихийная магия, контроль погоды и воды.

— А люди? На каком факультете мы?

— Ни на каком, — ответил Тобиас, не поднимая головы. — Мы — «особый контингент». У нас нет факультета. Нет герба. Нет прав.

— Тогда зачем мы здесь?

— Как подопытные крысы, — сказала Мира так тихо, что я едва расслышала. — Для экспериментов. Для ритуалов. Иногда кого-то забирают — и он не возвращается.

— Забирают? — я отложила хлеб. — Куда?

— В лаборатории, — Тобиас посмотрел на меня исподлобья. — Говорят, Совет ищет способ использовать человеческую магию для усиления фэйри. Мы — сырьё.

По моей спине пробежал холодок. Значит, меня привезли не просто так. Я была не просто «потенциальным ключом». Я была ресурсом. Материалом. И если бы артефакт не отозвался, если бы Узы не связали меня с Рианом — возможно, я уже была бы в одной из тех лабораторий.

— Но тебя это не касается, — сказал Кэллен, и его голос прозвучал твёрдо. — Ты связана с ректором. Никто не посмеет тебя тронуть.

— Кроме самого ректора, — пробормотала я.

— Кроме него.

Я хотела спросить ещё что-то, но не успела. К нашему столу подошла Лирандра в сопровождении своей неизменной свиты. Сегодня её медные волосы были заплетены в сложную косу, а на мантии сиял герб Факультета Теней — серебряный кинжал на чёрном поле.

— Принц Кэллен, — пропела она, игнорируя меня. — Неужели вам настолько наскучило высшее общество, что вы предпочитаете обедать с человеческим отребьем?

— Мне не скучно, Лирандра, — ответил он, не поднимая

головы. — Просто я предпочитаю компанию тех, кто не пытается меня использовать.

Её улыбка дрогнула, но она быстро взяла себя в руки.

— Советую вам быть осторожнее, — она наклонилась ближе. — Ходят слухи, что ваш отец недоволен вашими новыми знакомствами.

— Мой отец недоволен всем, что я делаю. — Кэллен отпил из кубка. — Это наше семейное проклятие.

Лирандра перевела взгляд на меня. Её глаза цвета грозового неба сузились.

— А ты, человечка, — произнесла она. — Я слышала, ректор взял тебя под личную опеку. Как это мило. Дракон и его ручная мышь.

Я отложила вилку и посмотрела ей прямо в глаза. Страха не было. Только злость — старая, знакомая, почти уютная.

— Если я мышь, — сказала я, — то тебе стоит помнить: мыши первыми чувствуют крыс. А от тебя, Лирандра, пахнет именно так.

За столом повисла тишина. Даже Тобиас перестал жевать.

Лирандра побледнела — не от страха, от ярости. Её пальцы сжались в кулаки, и я увидела, как вокруг них сгущается Тьма.

— Ты заплатишь за эти слова, — прошептала она. — Не сегодня. Но очень скоро.

Она развернулась и ушла, уводя за собой свиту. Я выдохнула.

— Зря ты так, — сказала Мира тихо. — Она — дочь советника. У неё есть власть.

— У меня тоже, — ответила я, хотя сама не была в этом уверена. — Пока я связана с Рианом, она меня не трогает.

— Рианом? — Тобиас вскинул брови. — Ты называешь ректора по имени?

— А как мне его называть? Ваше Драконье Величество? Тобиас усмехнулся — на этот раз почти по-настоящему.

— Ты странная, — сказал он.

— Я в курсе.

После завтрака Кэллен проводил меня на первое занятие. Расписание мне выдали на выходе из столовой — тонкий пергаментный лист, на котором каллиграфическим почерком были выведены названия предметов. «Основы магической теории». «История Дворов». «Тактика боя». «Контроль Тьмы».

Последнее заставило меня остановиться.

— Контроль Тьмы? — я показала лист Кэллену. — Но у меня нет магии. Как я буду её контролировать?

— Значит, будут учить чему-то другому, — он пожал плечами. — Возможно, тому, как не умереть от неё.

Обнадёживающе.

Аудитория, в которой проходила «История Дворов», бы-

ла круглой, с амфитеатром, уходящим вверх. Студенты сидели на каменных скамьях, и при моём появлении разговоры стихли. Я чувствовала их взгляды — липкие, оценивающие. Фейри не привыкли видеть человека на своих занятиях.

Я села в последнем ряду, подальше от всех. Кэллен, помедлив, сел рядом — и по аудитории прокатился шёпот.

— Ты не обязан сидеть со мной, — сказала я.

— Я знаю.

— Твоя репутация

— Переживёт.

Профессором оказался старый фейри с длинной седой бородой и глазами, которые, казалось, видели всё насквозь. Его звали магистр Элдрин. Он вошёл в аудиторию, опираясь на посох, и окинул взглядом студентов.

— Сегодня, — начал он скрипучим голосом, — мы поговорим о Великой Войне Дворов. О том, как Дом Пепла пал, а Дом Солнца возвысился. И о роли Ключей в этой войне.

Я напряглась. Ключей. Он сказал «Ключей» — во множественном числе.

— Ключи, — продолжал магистр, — это редчайшие существа, способные открывать врата к источникам Тьмы. Они рождаются не только среди фейри. Иногда — среди людей.

По аудитории снова прокатился шёпот. Несколько голов повернулись в мою сторону.

— Во время Великой Войны Ключи использовались как

оружие. Их находили, связывали с Сосудами — могущественными фэйри, способными удерживать Тьму, — и отправляли на битву. Связка Ключ-Сосуд была самым разрушительным оружием в истории Авалона.

Он обвёл аудиторию взглядом.

— И самым опасным. Потому что если Сосуд погибал, Ключ терял контроль и уничтожал всё вокруг. Если погибал Ключ — Сосуд сходил с ума.

Мои пальцы сжались в кулаки. Значит, мы с Рианом — не первые. До нас были другие. Другие Ключи. Другие Сосуды. И они все погибли.

— А Сердце Проклятия? — спросил кто-то из студентов. — Это правда, что оно существует?

Магистр Элдрин помедлил.

— Сердце Проклятия, — произнёс он наконец, — это легенда. Но, как и все легенды, она основана на правде. Говорят, после Великой Войны источник Тьмы, из которого черпали силу Ключи, был запечатан где-то в Серых Пустошах. Тот, кто найдёт его и уничтожит, сможет разорвать все существующие Узы и освободить Авалон от власти Тьмы.

— Или погибнуть, пытаясь это сделать, — пробормотала я себе под нос.

Кэллен услышал и бросил на меня быстрый взгляд.

— Ты не погибнешь, — сказал он тихо.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я тебе не позволю.

Это прозвучало так просто. Так уверенно. Как будто он действительно верил, что может защитить меня от всего: от Тьмы, от Сердца, от пророчества. И на мгновение я почти поверила ему.

После лекции я направилась на «Тактику боя». Кэллен не мог меня сопровождать — у него было собственное расписание, — но он объяснил дорогу.

Полигон находился в другом крыле Академии, и по пути мне пришлось пройти через галерею, которую я не видела раньше. Стены здесь были увешаны портретами. Древние фейри в церемониальных одеждах смотрели на меня с холстов — надменные, холодные, чужие.

Я остановилась перед одним из портретов.

Он изображал двух мужчин. Один — высокий, с чёрными волосами и серебряными глазами, в мантии Дома Пепла. Второй — чуть ниже, с такими же чертами лица, но более мягкими, и волосами, отливающими чистым серебром. Братья. Это было видно сразу.

Табличка под портретом гласила: «Лорд Риан Нокс и лорд Кайран Нокс. Дом Пепла. Год 1001-й от Основания».

Я всмотрелась в лицо Риана. Без маски. На портрете ему было, наверное, лет тридцать — или он выглядел на тридцать. Красивое лицо, волевой подбородок, губы, изогнутые в лёгкой усмешке. Он казался живым. Не таким, как сейчас.
— Любуешься?

Я вздрогнула и обернулась. Риан стоял в нескольких ша-

гах от меня, и маска, как всегда, скрывала его лицо. Но я готова была поклясться, что его голос прозвучал иначе, чем обычно. Мягче. Или мне показалось.

— Изучаю, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Это твой брат?

Он подошёл ближе и остановился рядом со мной, глядя на портрет.

— Кайран, — произнёс он. — Мой младший брат.

— Что с ним случилось?

Молчание. Долгое. Тяжёлое.

— Он предал Дом, — сказал Риан наконец. — Попытался захватить власть. Я остановил его.

— Остановил? — я посмотрела на него. — Убил?

— Нет. — Он отвернулся от портрета. — Отправил в изгнание. В человеческие земли. Большие я его не видел.

В его голосе было что-то, чего я не ожидала. Не гнев. Не холод. Что-то другое. Сожаление. Или вина.

— Почему ты носишь маску? — спросила я.

— Это не твоё дело.

— Может, и моё. Мы связаны. Твои тайны — теперь и мои тайны.

Он посмотрел на меня. Долгим, странным взглядом.

— Ты хочешь знать мои тайны? — спросил он. — Тогда скажи: что ты чувствуешь прямо сейчас?

Я замерла. Вопрос застал врасплох.

— Я устала. Я зла. Я напугана.

— А ещё?

Я прислушалась к себе. К тому, что пульсировало в груди

— там, где были Узы.

— Одиночество, — сказала я тихо. — Я чувствую одиночество. Но это не моё. Это

— Моё, — закончил он.

Мы стояли в пустой галерее, перед портретом двух братьев, и тишина звенела, как натянутая струна. Я чувствовала его эмоции — так же ясно, как свои. И впервые за всё время они не были скрыты за льдом и яростью. Они были обнажены. Беззащитны.

— Почему ты спас меня? — спросила я. — Тогда, в Зале Связи. Ты мог дать мне умереть.

— Я уже ответил. Если умрёшь ты — умру я.

— Нет. — Я покачала головой. — Это не единственная причина.

Он не ответил. Просто стоял и смотрел на меня — на мои серебристые волосы, на мои серые глаза, на метку, пульсирующую на запястье.

— Ты похожа на него, — сказал он наконец.

— На кого?

— На Кайрана. — Он отвернулся. — Иди на занятие, Элара. Ты опаздываешь.

И ушёл. Чёрный плащ взметнулся, шаги затихли в конце галереи. Я осталась одна, глядя на портрет двух братьев.

Похожа на Кайрана. Что это значит? Что я — потомок

его брата? Что во мне течёт кровь Дома Пепла?

Ответов не было. Только вопросы, вопросы, вопросы — бесконечные, как коридоры Академии.

«Тактика боя» проходила в том же зале, что и тренировка с Рианом — в катакомбах. Но на этот раз здесь были и другие студенты. Фейри в тренировочной форме стояли вдоль стен, и при моём появлении разговоры стихли.

Лирандра была здесь. И её свита.

— А вот и наша ручная мышь, — пропела она, выступая вперёд. — Решила научиться драться? Боишься, что ректор не всегда будет рядом, чтобы защитить тебя?

— Боюсь, что ты когда-нибудь подавишься собственным ядом, — ответила я. — Это было бы трагично.

Кто-то из студентов фыркнул. Лирандра сузила глаза.

Профессор — высокая женищина-фейри с коротко стриженными серебристыми волосами и шрамом через всю щёку — хлопнула в ладоши.

— Разбились на пары! — скомандовала она. — Сегодня отрабатываем ближний бой без магии.

Я огляделась в поисках партнёра. Тобиас стоял у стены, но он уже работал с каким-то фейри. Мира вообще не пришла — видимо, у неё было другое расписание.

— Я буду твоим партнёром, — раздался голос.

Лирандра вышла в центр круга.

— Если, конечно, ты не боишься.

Я смотрела на неё. На её медные волосы, на ядовитую

улыбку, на кинжал в её руке — тренировочный, затупленный, но всё равно опасный.

— Я не боюсь, — сказала я, беря со стойки такой же кинжал.

— Зря.

Мы встали в круг. Профессор дала сигнал, и Лирандра атаковала.

Она была быстрой. Гораздо быстрее меня. Её кинжал мелькал в воздухе, вычерчивая серебряные дуги, и я едва успевала уклоняться. Удар — я отшатнулась. Ещё удар — я споткнулась и упала на чёрный песок.

— И это всё? — она стояла надо мной, улыбаясь. — А я думала, ты будешь интереснее.

Я вскочила на ноги. Злость закипала в крови. Злость на неё, на Академию, на весь этот проклятый мир.

— Давай ещё раз.

Она атаковала снова. И снова я была слишком медленной. Её кинжал рассёк воздух в миллиметре от моего лица. Я отшатнулась — и в этот момент что-то внутри меня щёлкнуло.

Тьма.

Она поднялась откуда-то из глубины — из той пустоты, которую я всегда ощущала, но не могла объяснить. Чёрная, живая, голодная. Она хлынула через меня, через мои руки, через кинжал.

Я ударила.

Не кинжалом — Тьмой. Чёрная волна сорвалась с моей ладони и ударила Лирандру в грудь. Она отлетела на несколько шагов и рухнула на песок, хватая ртом воздух.

Тишина.

Я стояла в центре круга, тяжело дыша. Тьма всё ещё пульсировала в моих пальцах, готовая вырваться снова. Лирандра лежала на песке. Её свита смотрела на меня с ужасом.

Профессор шагнула вперёд.

— Кто научил тебя этому? — спросила она резко.

— Никто, — ответила я, и голос мой дрожал. — Я сама не знаю, как это сделала.

— Это Тьма, — сказала она. — Чистая Тьма. Такой магией владеют только Ключи.

Она смотрела на меня долгим, изучающим взглядом. А потом произнесла то, что заставило мою кровь похолодеть:

— Идём. Ректор должен узнать об этом. Немедленно.

Риан ждал нас в своём кабинете.

Кабинет находился на вершине Чёрного Шпиля — той самой башни, что венчала Академию. Винтовая лестница, по которой меня вели, казалась бесконечной. С каждым шагом воздух становился холоднее, а магия — гуще.

Когда дверь открылась, я увидела его. Риан сидел за массивным столом из чёрного дерева, заваленным бумагами и артефактами. Маска была на месте. Но сегодня она, казалось, смотрела на меня иначе. Пристальнее. Опаснее.

— Оставьте нас, — сказал он профессору.

Дверь закрылась. Мы остались вдвоём.

— Что случилось? — спросил он.

— Я не знаю, — я сжала кулаки, пытаюсь унять дрожь.

— Лирандра напала. Я защищалась. А потом Тьма просто вырвалась. Я не контролировала это.

— Покажи.

— Что?

— Покажи мне Тьму, — он поднялся и обошёл стол. — Сейчас.

Я посмотрела на свои руки. Они всё ещё дрожали. Но где-то внутри, глубоко-глубоко, я чувствовала отголоски той силы, что вырвалась на полигоне. Она была там. Ждала.

— Я не знаю как, — призналась я.

— Просто позволь ей выйти.

Я закрыла глаза. Прислушалась к себе. К пустоте внутри — той, что всегда была со мной. И позвала.

Тьма откликнулась.

Она хлынула через меня — не так яростно, как на полигоне, но достаточно, чтобы чёрные нити заструились по пальцам, обвивая запястье, поднимаясь к локтю. Я открыла глаза и увидела, что моя метка сияет алым — ярко, как никогда.

Риан стоял напротив, глядя на меня. И в его глазах за маской было что-то, чего я не видела раньше.

Узнавание.

— Я знал, — сказал он тихо. — С того самого момента, как увидел тебя.

— Знал что?

— Что ты — не просто Ключ. Ты — Разрушительница. Слово повисло в воздухе, тяжёлое, как удар меча.

— Разрушительница? — повторила я. — Что это значит?

— Это значит, что ты способна уничтожить Сердце Проклятия. Или стать им. — Он подошёл ближе. — Твоя сила — это не просто магия, Элара. Это сама Тьма, принявшая человеческую форму. Если ты научишься её контролировать — ты станешь самым могущественным существом в Авалоне. Если нет — она поглотит тебя.

Я смотрела на свои руки, покрытые чёрными нитями. На метку, пульсирующую алым.

— Почему я? — спросила я. — Почему именно я?

Руан помолчал. А потом сказал:

— Потому что ты родилась такой. Потому что в тебе течёт кровь Дома Пепла. Потому что ты — дочь моего брата.

Мир покачнулся.

— Что?..

— Кайран, — произнёс он, и голос его был глух. — Твой отец — Кайран Нокс. Мой младший брат. Ты — моя племянница.

Я смотрела на него. На маску. На серебряные пряди в чёр-

ных волосах. На метку на его запястье — такую же, как у меня.

— Нет, — прошептала я. — Этого не может быть.

— Может. — Он отвернулся. — И это значит, что моя вина перед тобой ещё больше, чем я думал.

— Вина? — я шагнула к нему. — О чём ты?

Он не ответил. Но я почувствовала это. Сквозь Узы. Сквозь Тьму. Его эмоции — вину, боль, страх, — хлынули на меня, как ледяная вода.

— Что ты скрываешь? — спросила я. — Что ты сделал?

— Я спас тебя, — сказал он. — Девятнадцать лет назад. Когда ты родилась, пророчество гласило, что ты уничтожишь всё, что я люблю. Я должен был убить тебя. Но я не смог.

Он обернулся.

— Я наложил на тебя заклинание. «Анима Аморта». Узы Смертной Любви. Оно скрыло тебя от пророчества. Но ценой стала твоя магия. Твоя сила. Твоя жизнь. Ты должна была прожить обычную человеческую жизнь и никогда не узнать, кто ты.

— Но я узнала, — прошептала я.

— Да. Потому что кто-то в Совете нашёл тебя. Кто-то, кто знал о пророчестве. И теперь Узы души, связавшие нас — это не случайность. Это последствия того заклинания. Мы связаны с самого твоего рождения.

Я отступила на шаг. Голова кружилась. Стены кабины-

та сжимались.

— Ты — голос сорвался. — Ты украл мою жизнь. Ты сделал меня пустой. Ты

— Я пытался тебя защитить.

— Защитить? — я рассмеялась. Смех был хриплым, надломленным. — Ты не защищал меня. Ты прятал меня. Как грязный секрет. Как ошибку, которую хотел забыть.

— Элара

— Не называй меня так. — Я отступала к двери. — Ты не имеешь права.

Я выбежала из кабинета, не слыша его голоса за спиной, не чувствуя ничего, кроме грохота крови в ушах и боли — острой, как лезвие кинжала.

Дочь Дома Пепла. Племянница дракона. Разрушительница.

Моя жизнь была ложью. Моя личность была украдена. И человек, который это сделал, теперь был связан со мной Узами, которые требовали близости — или смерти.

Я бежала по коридорам, не разбирая дороги. Слезы жгли глаза. Тьма пульсировала в пальцах.

И где-то глубоко внутри, под слоями боли и ярости, я чувствовала его. Риана. Его одиночество. Его вину. Его страх — не за себя, за меня.

Он знал, что этот день настанет. И он боялся его.

Так же, как боялась я.

Ночью я лежала в своей комнате и смотрела в пото-

лок. Свеча догорела. Метка на запястье пульсировала алым. Тьма внутри меня была спокойна — она насытилась, вырвавшись на свободу.

Я думала о Кайране. О моём отце, которого я никогда не знала. О том, почему он оставил мою мать умирать в грязной канаве. О том, жив ли он ещё. И почему Риан так и не сказал, что с ним случилось.

Я думала о Риане. О его маске, за которой скрывалось лицо моего дяди. О его голосе, который дрожал, когда он говорил о брате. О его руках, которые держали меня девятнадцать лет назад — и спасли, вместо того чтобы убить.

Я думала о Кэллене. О его тёплой улыбке и обещании поможь. О том, что он, возможно, единственный, кому я могла доверять.

И я думала о Сердце Проклятия. О Лабиринте Сломанных Душ. О месяце, который неумолимо таял.

Завтра будет новый день. Новая тренировка. Новые вопросы.

Но сегодня — только темнота. И тишина. И далёкое эхо слов, сказанных драконом:

«Ты — Разрушительница».

Я закрыла глаза.

И Тьма внутри меня улыбнулась.

Я не успела ответить Лирандре — да и не собиралась. Слова были бессмысленны. Она уже всё решила. Я видела это в её глазах — холодных, расчётливых, полных древней,

как сам Авалон, ненависти. Ненависти, которая не имела ко мне прямого отношения. Я была просто поводом. Мишенью. Человеческой девочкой, которая посмела ударить фэйри.

— Я жду, — повторила она, и её пальцы забарабанили по столу. — Или ты думаешь, что Тьма, которая в тебе сидит, защитит тебя от всего?

— Я думаю, — сказала я, поднимаясь, — что ты тра-тишь моё время.

Я развернулась и пошла к выходу. Кэллен двинулся за мной, но Лирандра преградила ему дорогу.

— Принц, — пропела она. — Неужели вы будете бе-гать за каждой человеческой дворняжкой? Ваш отец был бы разочарован.

— Мой отец, — ответил Кэллен, обходя её, — разочаро-ван мной с самого рождения. Я привык.

Мы вышли в коридор. Дверь за нами захлопнулась, отрезая смех Лирандры и шёпот её свиты.

— Зря ты так, — сказал Кэллен, когда мы отошли на безопасное расстояние. — Она опасна. Не физически — по-литически. Её отец — советник короля Теней. У него есть влияние.

— У меня есть Тьма, — ответила я. — И дракон-дядя, который, кажется, не хочет моей смерти. Пока.

Кэллен остановился.

— Дядя? — переспросил он. — Риан — твой дядя?

Я поняла, что проговорила. Вздохнула и прислонилась

к стене.

— Долгая история, — сказала я. — Очень долгая. И очень мерзкая.

— Я никуда не спешу.

Я посмотрела на него. На его открытое лицо, на встревоженные синие глаза, на прядь золотых волос, упавшую на лоб. Он действительно не спешил. Он стоял и ждал, и в этом ожидании было что-то удивительно спокойное. Надёжное.

И я рассказала ему. Всё. Про пророчество. Про ту ночь, когда Риан нашёл меня в труппах. Про заклинание «Анима Аморта», которое украло мою магию и спрятало меня от судьбы. Про Кайрана — моего отца, которого я никогда не знала. Про то, что я — не просто человек.

Кэллен слушал молча. Его лицо менялось — удивление, гнев, боль. Когда я закончила, он долго молчал.

— Значит, ты — дочь Кайрана Нокса, — произнёс он наконец. — Я слышал о нём. Он был легендой. Героем для одних, предателем для других. Но я никогда не знал, что у него был ребёнок.

— Никто не знал. Кроме Риана.

— И он скрывал это. Девятнадцать лет.

— Он думал, что защищает меня.

— Защищает? — Кэллен покачал головой. — Он украл твою жизнь. Твою силу. Твою судьбу. Это не защита. Это тюрьма.

Я ничего не ответила. Потому что он был прав. И потому что он ошибался. Риан действительно пытался меня защитить — я чувствовала это сквозь Узы. Но его защита была похожа на клетку. И теперь, когда я знала правду, я не могла решить, что чувствую: благодарность или ненависть.

— Что ты будешь делать? — спросил Кэллен.

— Учиться, — ответила я. — Тренироваться. Искать Сердце Проклятия. И пытаться не умереть.

— А с Рианом?

— А что с ним? — я оттолкнулась от стены. — Он — мой наставник. Мой Сосуд. Мой родственник. Мы связаны. Но это ничего не меняет.

— Уверена?

Я не была уверена. Совсем. Но признаваться в этом не хотелось.

— Уверена, — сказала я. — А теперь идём. У меня ещё одно занятие по магической теории. Если я опоздаю, профессор Арктур меня испепелит.

Кэллен улыбнулся краешком губ.

— Не испепелит. Ты слишком ценна.

— Как Ключ или как племянница ректора?

— Как Элара.

Я остановилась и посмотрела на него.

— Почему ты так добр ко мне? — спросила я. — Серьёзно. Мы знакомы меньше двух дней. Ты — наследный принц.

Я — сирота из трущоб. Что тебе с этого?

Он помолчал. Потом сказал:

— Знаешь, что я увидел, когда впервые посмотрел на тебя?

— Грязные волосы и злое лицо?

— Нет. — Он улыбнулся. — Я увидел человека, который не сломался. В мире, где всё пыталось тебя сломать — нищета, голод, фейри, сама судьба — ты выстояла. И знаешь что? Я завидую тебе.

— Завидуешь? Мне?

— У меня было всё, — сказал он тихо. — Власть. Богатство. Магия. Но у меня никогда не было выбора. Каждый мой шаг был предопределён. Каждое решение — принято за меня. А ты ты свободна. Даже сейчас, когда Узы связали тебя с драконом, ты свободнее, чем я когда-либо был.

Я смотрела на него. На его красивое лицо, на котором сейчас не было ни тени притворства. Только грусть. И что-то ещё — что-то, похожее на надежду.

— Тогда давай договоримся, — сказала я. — Ты поможешь мне выжить. А я покажу тебе, что значит быть свободным.

— Договорились.

Мы пожали руки. Его ладонь была тёплой.

И в этот момент я почувствовала его.

Руан был где-то рядом. Я знала это по тому, как натянулись Узы, как воздух стал холоднее, а Тьма внутри меня

встрепенулась, узнавая хозяина. Я обернулась.

Он стоял в конце коридора. Высокий, чёрный, неподвижный. Маска сияла холодным синим огнём. Он смотрел на нас — на меня и Кэллена, — и я чувствовала его эмоции. Сдержанная ярость. Ледяной контроль. И что-то ещё, спрятанное глубоко-глубоко.

— Элара, — произнёс он, и моё имя в его устах прозвучало как приказ. — Ты нужна мне в кабинете. Сейчас.

— У меня занятие.

— Занятие отменяется.

Он развернулся и исчез за поворотом, не дожидаясь ответа. Чёрный плащ взметнулся и опал, как крыло.

Кэллен посмотрел на меня.

— Хочешь, я пойду с тобой?

— Нет. — Я покачала головой. — Это моё дело.

— Элара

— Я справлюсь.

Я пошла за Рианом. Коридоры Академии, такие чужие и враждебные ещё вчера, теперь казались почти знакомыми. Я знала дорогу до Чёрного Шпиля. Знала каждый поворот, каждую лестницу. И с каждым шагом Узы натягивались сильнее — как струна, готовая лопнуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.